

Прошло еще несколько дней, и Цзи Вэй наконец освоился в этой эпохе. Он потратил один лян серебра и подготовил все необходимое для уличной торговли.

Рано утром, еще до рассвета, Цзи Вэй поднялся.

По настоянию Цзи Вэя Лю Иманю пришлось перебраться с пола на кровать. От его движений тот проснулся, сонно открыл глаза, сел, вцепился в одеяло и растерянно спросил:

— Что случилось, муж-господин?

Цзи Вэй, одетый только наполовину, повернулся и уставился на Лю Иманя. Лицо у него покраснело, дыхание сбилось, и он медленно произнес:

— Как ты меня сейчас назвал?

— Муж...

Лю Имянь только открыл рот, но вспомнил, что Цзи Вэй велел называть его братцем Цзи, и быстро исправился.

— Братец Цзи, еще не рассвело. Пospите еще немного.

Сказав это, Лю Имянь смущенно сжал одеяло.

— Нет, сегодня я открываю торговлю. Нужно встать и подготовиться.

От этого обращения Цзи Вэю стало приятно. Он застегнул пояс, потянулся, открыл дверь и пошел на кухню.

В это время только-только занимался рассвет, примерно пять утра.

К счастью, в прошлой жизни у него выработались устойчивые биологические часы: он привык рано вставать и делать утреннюю зарядку. Хотя режим прежнего владельца был сбит, тело у него было крепкое и сильное, так что Цзи Вэй чувствовал себя бодрым и полным энергии.

Сначала он налил в небольшой котел холодной воды, положил туда четыре батата, накрыл крышкой и поставил вариться. Потом взял ивовую веточку, обмакнул ее в крупную соль и почистил зубы холодной водой.

Он высыпал половину купленной вчера муки, около пяти цзиней, добавил воду, соль и яйцо, замесил гладкое тесто, накрыл его тазом на разделочной доске и оставил отдыхать.

В это время на кухню пришел и Лю Имянь.

— Вымой зеленый лук и нарежь мелко. Потом понадобится.

Цзи Вэй считал, что каждому можно найти дело, поэтому не стал позволять Лю Иманю сидеть без дела и поручил ему простую работу.

Сам он еще раз протер тележку сверху донизу влажной тряпкой, а все миски, кастрюли, приправы и прочую утварь сложил в отделение тележки. Когда все было готово, бататы в котле уже давно сварились.

Цзи Вэй вытащил бататы и выбрал для Лю Иманя большой. За эти несколько дней совместной

жизни страх Лю Иманя перед Цзи Вэем немного ослаб. Хотя свободно общаться он все еще не мог, по сравнению с прежним это был большой прогресс.

Он тихо поблагодарил и сел сбоку есть батат.

Бататы, выращенные на удобренной земле, уродились крупными и гладкими; на вкус они были мягкими и сладкими.

Даже после того, как Цзи Вэй несколько дней подряд ел бататы, они ему совсем не надоели.

Он быстро доел два батата, еще один оставил Лю Иманю, привел все в порядок, затем вместе с ним выкатил тележку и вышел.

Изначально Цзи Вэй собирался торговать один, но Лю Имянь отказался оставаться дома и упрямо хотел помогать. Он был молод и робок, однако, поняв, что нынешний Цзи Вэй куда мягче прежнего, все же осмелился настоять на своем.

Сколько Цзи Вэй ни отказывался, Лю Имянь стоял на своем.

В итоге, конечно, уступил Цзи Вэй.

Когда Цзи Вэй добрался до Западной улицы, было всего около шести утра, но по обеим сторонам улицы уже стояли торговцы. Слышались перекликающиеся зазывания. Он долго ходил туда-сюда, прежде чем наконец нашел свободное место и втиснулся.

Едва он остановил тележку, со всех сторон пополз рыночный шепот, который никто особенно и не сдерживал.

— Сестрица, отойди, держись от этого бедоносца подальше!

— Грех-то какой, и двух спокойных дней не прошло.

— Разве такой исправится? Неужели он правда хочет честным делом заняться?

— Посмотрим, кто осмелится у него покупать.

— Вот именно!

Как только Цзи Вэй перестал раскладывать вещи, люди, все это время следившие за ним, тут же замолчали.

В конце концов, он был печально известным мерзавцем. Из-за денег за «защиту», которые он собирал, на всей улице не было торговца, который не знал бы Цзи Вэя.

По сравнению с плотником Ли эти люди ненавидели его гораздо сильнее и только желали, чтобы Цзи Вэй никогда больше не появлялся у них на глазах.

А теперь он сам прикатил тележку и собирался торговать рядом с ними.

Обычно они видели его раз в несколько дней, и уже тогда жизнь была тяжелой. Если это станет происходить каждый день, боюсь, того малого дохода, что они зарабатывают, не хватит даже на поборы.

Вслух торговцы говорить не смели, но каждый про себя надеялся, что дела у Цзи Вэя пойдут

скверно, что он оставит эту затею и вернет им покой.

Цзи Вэй не слишком обращал внимание на чужие косые взгляды. Пока эти люди не бросались к нему и не говорили все в лицо, он в основном мог их игнорировать.

Поэтому, видя, что уличные торговцы лишь болтают и после его взгляда замолкают, он не стал с ними спорить. Сам достал промасленную бумагу, выставил на тележку масло, соль, соевый соус, уксус и прочие приправы, высек огниво, сухими листьями разжег огонь и поджег угли в жаровне.

— Смотрите, это тот гээр, которого он купил. Бедняга, худой и маленький, ничего хорошего в жизни не ел. А я пару дней назад видела, как этот мальчишка по фамилии Цзи ходил с теми мерзавцами пить в трактир «Пьяный бессмертный»!

— Какой грех он совершил в прошлой жизни, что в этой достался такому человеку...

Жилка на лбу Цзи Вэя дернулась. Пусть они и говорили о прежнем Цзи Вэе, но задели Лю Иманя. Глядя на Лю Иманя, у которого покраснели глаза и стиснулись зубы, Цзи Вэй был не из камня и не мог оставаться равнодушным.

Скалка в его руке с силой ударила по разделочной доске. Громкий звук на миг заставил шумную улицу умолкнуть. Люди, которые только что судачили с удовольствием, разом притихли и осторожно устались в сторону Цзи Вэя, боясь снова его разозлить.

Раз уж его считают хулиганом, пусть так и будет.

Цзи Вэй не слишком повысил голос, но окружающие точно могли его услышать:

— Сегодня я, Цзи Вэй, вышел на улицу заниматься торговлей. Цены у меня справедливые, и лишнего я не возьму ни на взнь. Если я сделаю что-то не так или вы будете мной недовольны, надеюсь, скажете прямо.

Лишь спустя долгое время после этих слов вокруг постепенно снова стало оживленно.

Теперь уже никто не смел сплетничать.

Тесто, замешанное с утра, успело немного затвердеть. Цзи Вэй еще несколько раз размял его, отщипнул небольшой кусок, раскатал и смазал железную плиту для лепешек тонким слоем масла. Затем взял яйцо, разбил его в миску, добавил горсть нарезанного зеленого лука и приправил солью.

Цзи Вэй не ждал, что покупатели сами подойдут в первый же день торговли. Не говоря уже о его дурной славе, сами лепешки с яйцом люди здесь никогда не видели, и им нужно время, чтобы принять новинку.

Поэтому он решил приготовить прямо сейчас и сначала показать окружающим.

Жар в угольной жаровне горел уже некоторое время. Железная плита раскалилась, и масло на ней зашипело.

Цзи Вэй палочками приоткрыл угол лепешки и влил внутрь яичную смесь с зеленым луком.

Вскоре по улице разлился густой аромат.

Почти все прохожие в пределах пятидесяти метров, почувствовав запах, спрашивали, откуда он идет. Но стоило им увидеть Цзи Вэя, как они тут же передумывали и поспешно уходили.

— Откуда у парня из семьи Цзи такое умение?

— А выглядит и правда похоже.

— Утром я выпил две миски каши, а от запаха снова есть захотелось!

— Если бы не этот уличный хулиган, я бы купил кусок попробовать!

...

Цзи Вэй прекрасно понимал: лепешки с начинкой всех заинтересовали, но из-за его дурной репутации никто не смел первым пробовать новинку.

Он уже все обдумал и сразу, пока железо горячо, крикнул:

— Кому интересно — подходите попробовать! Первые десять бесплатно! Первые десять бесплатно!

Перед бесплатным угощением трудно устоять.

Несколько женщин, которые все еще колебались рядом, испугались, что не успеют урвать, и быстро бросились к нему.

Женщина в первом ряду была высокой и худой, со слегка впалыми щеками и смысленным видом. Увидев лепешку, которую протянул Цзи Вэй, она не сразу взяла ее, а настороженно переспросила:

— Правда денег не надо?

Цзи Вэй улыбнулся и громко сказал:

— Правда не надо.

Худая высокая женщина тут же взяла лепешку, подняла ее высоко и крикнула:

— Слышали, люди? Этот Цзи сказал, что лепешка правда бесплатная!

Сказав это, она сразу сунула ее в рот.

Многие вокруг с нетерпением уставились на высокую худую женщину.

По ее довольному лицу остальные сразу поняли: попробовать стоило.

Когда стало ясно, что высокая худая женщина и правда съела бесплатную лепешку, женщины позади едва не бросились выталкивать ее из очереди и окружили прилавок Цзи Вэя.

Им было все равно, уличный Цзи Вэй хулиган или нет. Они ведь не торговали, денег на прилавке не держали, поборы с них брать нечего. А теперь еще можно бесплатно воспользоваться случаем — только глупый не придет.

После того как десять женщин разобрали угощение и толпой разошлись, люди, наблюдавшие

за оживлением, с нетерпением окружили прилавок и спросили:

— Почем лепешка?

— Три вэня за штуку.

Некоторые удивились и закричали, что слишком дорого.

Лю Имянь поднял корзину с яйцами перед мужчиной, который только что возмутился ценой:

— Братец, в ней же яйцо. Одно яйцо и то может стоить два вэня. Разве это дорого?

— Верно. Яйца стоят один-два вэня, так что цена вроде не слишком высокая.

— У моего внука слюнки текут. Он еще до прилавка говорил, что хочет есть. Ничего не поделаешь, куплю кусок попробовать.

Женщина средних лет с явной неохотой подошла к прилавку Цзи Вэя.

— Дай одну.

Она боялась, что Цзи Вэй сэкономит на ингредиентах, поэтому широко раскрыла глаза и даже не моргала.

Только когда Цзи Вэй пожарил ей лепешку, завернул в промасленную бумагу и передал, а женщина сунула ее в руки маленькому внуку, она скрепя сердце достала три медяка и отдала Лю Иманю.

Мальчик с двумя торчащими пучками волос держал лепешку в руках и, дуя на нее, откусил большой кусок. Даже стоявшая рядом женщина средних лет услышала хруст и сразу сглотнула.

Ребенок обжегся так, что высунул язык и замотал головой, но все равно не захотел выплевывать лепешку. Его маленькое пухлое личико почти сморщилось в булочку, и он закричал:

— Бабушка, горячо...

Женщина средних лет поспешно подула несколько раз. Ребенок перестал кричать и снова довольно принялся грызть лепешку. Уголок рта у него ушел в ямочку, и он детским голосом сказал:

— Старший брат, вкусно!

Цзи Вэй поднял большой палец:

— Младший братец, у тебя хороший вкус. Приходи еще.

Женщина средних лет чувствовала запах от прилавка и сама ужасно хотела есть. Испугавшись, что маленький внук, доев, попросит еще, она быстро подхватила ребенка и поспешно убежала.

Дети врать не умеют.

Вокруг один за другим стали собираться взволнованные прохожие. Все наперебой просили

лепешки.

Лю Имянь суетился, радостный и воодушевленный. Его маленькое лицо покраснело от волнения, а пальцы дрожали, когда он принимал деньги.

Он вырос до таких лет, но никогда еще не держал в руках столько денег!

Увидев это, Цзи Вэй был вынужден крикнуть, что без очереди лепешек не будет. Окружившие их люди постепенно разошлись и выстроились в кривую линию.

Железная плита для лепешек была не маленькая, на ней можно было жарить сразу четыре штуки. И все же справляться было трудно. Перед прилавком стояло двадцать-тридцать человек, и очередь почти перегородила узкую улицу.

Увидев это, уличные торговцы поблизости вспомнили все старые обиды и набрались новых. Вслух сказать они не смели, оставалось только молча стерпеть.

Прилавок Баоцзы-Сиши, местной красавицы-торговки баоцзы, стоял наискосок от Цзи Вэя. Обычно из-за красивой хозяйки и вкусных булочек дела шли бойко, и все распродавалось меньше чем за час.

Но стоило здесь появиться Цзи Вэю, как ее торговля резко просела. Уже почти прошел час, а она не продала и половины. От тревоги у нее все внутри закипело. С ее резким характером недовольство, зависть и беспокойство быстро смешались в одно: она с силой швырнула на землю полотенце, которым накрывала пароварку, и выругалась...

<http://bllate.org/book/17814/1691573>